

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМАТИКИ ПАМЯТИ

Проблема памяти универсальна для культуры. По словам Д.С. Лихачева, «история культуры — это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования» [2, с. 1]. Однако именно в условиях современности феномен памяти приобретает особое звучание и значение. Ниже обозначим основные причины актуализации проблематики памяти.

Кризис идентичности

В условиях мощного экспансивного натиска на европейскую культуру культуры исламской («постколониальный рецидив»), явного кризиса коллективной идентичности европейской цивилизации и расшатывания традиционной системы ценностей, ей свойственных, в условиях утраты Европой центристского цивилизационного значения, в целом политической, экономической, социальной нестабильности вполне естественным является поиск того, что могло бы компенсировать все (или почти все) негативные проявления актуальности, нивелировать чувство кризисности и дать импульс к реидентификации. Выполнение этих задач отчасти возлагается на память.

Эта мысль подтверждается позицией выдающегося историка А. Мегилла: «Наиболее характерной особенностью современной жизни является недостаток стабильности на уровне идентичности, что приводит к проекту конструирования памяти с целью конструирования самой идентичности» [3, с. 146].

Продолжая разговор о кризисе общей европейской коллективной идентичности, важно отметить, что на этом фоне интенсифицируется становление, так называемых, мелкогрупповых идентичностей, связанных с формированием новых субкультурных образований и социальных групп. Вновь появляющиеся пока еще маргинальные по своей сути сообщества остро нуждаются в обосновании легитимности своего существования, в том числе и через укоренение в пространстве прошлого, обретение собственной истории и памяти.

Кризис информации

Современное общество, выработав принципиально новые способы продуцирования и хранения информации, трансформировало отношение к ней. Я. Ассман назвал этот процесс новой культурной революцией, подобной появлению письменности и книгопечатания [1]. Революционность происходящего связана, прежде всего, с обретением возможности фиксации и хранения неограниченного объема информации. Таким образом, формируется гигантский архив данных («эпоха архивов» по

П. Нора), невообразимый массив пассивной коллективной памяти: «То, что мы называем памятью, — это на самом деле гигантская работа головокругительного упорядочивания материальных следов того, что мы не можем запомнить, и бесконечный список того, что нам, возможно, понадобится вспомнить» [4, с. 29].

Интенсификация процессов заполнения «объема» памяти (о его специфике писал еще Ю.М. Лотман) во многом обусловлена именно тем, что в условиях кризиса «больших идентичностей» общество не способно сформировать четкую стратегию запоминания и забвения: то, что сегодня кажется значимым, завтра может оказаться на периферии актуальности. Поэтому при наличии сверхсовременных технических возможностей хранения информации в архив памяти помещается самый разнообразный массив данных — все, что может быть полезным «мемориальной нации», удвоившей «все вещи, существующие во внешнем измерении» [4, с. 146].

Кризис традиции

Востребованность проблематики памяти связана и с угасанием традиции как основы межпоколенной коммуникации: «Можно с уверенностью сказать, что основой этого процесса (экспансии памяти) является разрыв с традиционными типами сообщения о прошлом: семейная и локальная связь, в рамках которой прошлое передавалось устно представителями поколений-свидетелей, живших под одной крышей, сменилась его сокращенной передачей, в которой преобладали как приобретенные знания, так и различные области производства памяти» [5].

П. Нора полагает, что современное общество переживает кризис памяти на фоне активизации интереса к ней — «о памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [4, с. 17]. Исследователь уверен, что настоящая, живая память поколений, транслируемая при помощи традиций и ритуалов, уходит в прошлое, оставляя место истории как источнику и регулятору памяти. Страх перед необратимостью утраты и желание хотя бы искусственно ее восполнить и привели к жизни мемориальную нацию и общество архивов.

Кризис памяти

Усиление интереса к проблематике памяти изначально, еще в послевоенное время, а затем в конце 1980-х гг., было обусловлено так называемым «посттравматическим синдромом коллективной памяти» — сильнейшим потрясением всего мирового сообщества, вызванным ужасами Второй мировой войны, Холокоста и др. Именно тогда стали активно разрабатываться концепции коллективной травмы, вины, покаяния и памяти. Интенсификация подобного интереса сегодня связана с ухо-

дом из жизни свидетелей тех страшных событий [1, с. 11] и с ускользающей возможностью извлечь максимально продуктивный опыт из их рассказов о пережитом, с одной стороны. С другой, — «жертвам Освенцима кажется, что в отношении Холокоста с течением времени возникла угроза забвения, если не сознательного, то связанного со сменой поколений и ослаблением усилий по сохранению этого травматического знания. По этой причине резко возросла активность носителей памяти (воспоминания и др.) и интенсивность действий по запечатлению их опыта» [6, с. 196]. Такая ситуация породила синдром «гипермнезии» — повышенной способности к запоминанию и воспроизведению информации о геноциде, концентрационных лагерях и др.

В контексте четвертой причины можно отметить и юридизацию пространства культуры, в том числе памяти, попытку перевести прошлое как таковое и отношение к нему в пространство правовых отношений. Это тоже во многом связано с травматическими для европейского сознания последствиями Второй мировой войны и стремлением не допустить повторения подобных событий. Достаточно вспомнить в этом контексте Нюрнбергский процесс или принятый в 1990 г. во Франции закон Гэссо, вводящий уголовное преследование за отрицание Холокоста и снимающий срок давности за преступления «против человечности».

В работах отдельных авторов можно найти и иные причины, объясняющие выход памяти на арену мировых исследовательских интересов. Так, например, Ф. Артог связывает это с приближением каких-либо круглых исторических дат, порождающих «юбилейные воспоминания», а следовательно, и активизацию архивных поисков [7, с. 157].

Перечислить все исследовательские подходы к данному вопросу достаточно трудно и, пожалуй, бессмысленно — их слишком много и суть, в конечном счете, сводится в общем виде к тем обстоятельствам, на которые мы указали выше.

Важным представляется иное: проблематика памяти давно уже вышла за пределы собственно научных дискуссий и довольно прочно закрепилась в пространстве стихийной и организованной повседневности. Достаточно обратить внимание на активную историческую и коммеморативную политику государств: появление новых праздников и забвение старых, открытие новых памятников и уничтожение существующих, борьба за сохранение мемориальной памяти об одних событиях и амнезия по отношению к другим, разворачивающиеся на этом фоне межгосударственные и межнациональные конфликты, переписывание государственных историй, спекуляция историческими фактами и пр.

Сегодня ни один, пожалуй, жанр не является столь популярным как жанр мемуаристики (П. Нора: «каждый историк самого себя»). Возрос

интерес к устной истории, генеалогии, всякого рода ремейкам и ремиксам.

В любом случае, как это неоднократно доказывала история, интерес к прошлому всегда активизируется на фоне кризиса настоящего: «Память привлекает особое внимание тогда, когда возникает нарушение привычного хода ее работы или когда она сталкивается с чем-то, что забыть оказывается так же сложно, как и запомнить. В каком-то смысле память — это всегда нечто, балансирующее на краю патологии и несущее в себе элемент травмы» [8].

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПАМЯТИ

Современная исследовательская практика накопила солидный опыт осмысления феномена индивидуальной памяти. Интерпретация этого опыта нередко становилась предметом самостоятельных исследований. Поэтому не будем умножать информацию аналогичного типа и пересказывать имеющиеся на сегодняшний день авторские теории памяти. В рамках данной статьи мы лишь систематизируем имеющиеся на данный момент подходы. В целом их можно разделить на три больших смысловых блока: содержательный, деятельностный и синтетический, объединяющий первые два.

Память как архив

В рамках этой позиции авторы указывают, главным образом, на свойство памяти хранить социально востребованную информацию в формате социального опыта (А. Щюц [9]), изобразительных символов (А. Варбург [10]), событийных следов (П. Рикер [11]), массовых знаний о прошлой социальной реальности (И.М. Савельева, А.В. Полетаев [6]) и др. В данном случае делается акцент именно на контенте памяти, ее способности накапливать и транслировать смыслы, востребованные группой на том или ином этапе ее существования.

Память как деятельность

Это понимание памяти находит отражение в работах большего числа исследователей, которые либо непосредственным образом определяют ее как процесс трансляции, реконструкции, актуализации общего для группы прошлого (Э. Дюркгейм [12], П. Гири [13]), либо рассматривают в контексте социального взаимодействия. Так, М. Хальбвакс [14], П. Бергер и Т. Лукман [15], А. Ассман [16], А. Мегилл [3] указывали на формирование коллективной памяти в результате взаимодействия индивидов с группой и совместного переживания ими социального опыта. А. Леруа-Гуран памятью называл селективную деятельность, направленную на отбор

и передачу наиболее целесообразных моделей поведения [17, с. 158].

Целая группа исследователей (Ж.Ле Гофф [17], В. Шкуратов [18] и др.) в качестве основания для выделения различных типов наиндивидуальной памяти называли способы трансляции знаний, т. е. доминирующие формы социальной коммуникации — от устной до письменной и послеписьменной.

Синтетический подход (память как архив и как деятельность)

Данный подход объединяет два указанных выше ракурса рассмотрения памяти. В его рамках память понимается как интегративное единство контента («константных кодов») и деятельности по его межпоколенной трансляции («интерпретационные коды»). Таким образом, равно значимым определяется и само содержание накопленного социального опыта, востребованного группой на том или ином этапе своего существования, и те способы, с помощью которых этот социальный опыт передается.

Наиболее яркими представителями этой позиции являются Д.С. Лихачев [2], Ю.М. Лотман [19], Я. Ассман [1], П. Нора [4], П. Хаттон [20]. Все они говорили о двух наиболее универсальных типах наиндивидуальной памяти — той, которая передается естественным, традиционным, изустным способом, основанным на нерелексивном, ритуализованном повторении значимого (устная, социальная, коммуникативная память, память-повторение); и той, которая связана с внешними, институциональными усилиями по ее наполнению и трансляции (письменная, историческая, культурная память, память-воспоминание).

Следует выделить еще один подход к пониманию наиндивидуальной памяти — скептический, то есть связанный с определенными сомнениями относительно возможности использования самого понятия социальной, коллективной или исторической памяти. Исследователей, придерживающихся такой позиции, немного. Можно отметить российского ученого А. Руткевича [21] и французского — С. Московичи [22], которые полагали, что корректнее использовать категории коллективных или исторических представлений, поскольку иные термины в лучшем случае являются метафорическими, а в худшем — спекулятивными. Нам же кажется, что коллективные представления не являются тождественными коллективной памяти, поскольку, в отличие от нее, имеют рациональную, рефлективную, знаниевую природу.

Таким образом, нашему вниманию предстает достаточно пестрая картина исследовательских позиций в отношении феномена памяти. Такая ситуация во многом обусловлена сложностью и неоднозначностью самого объекта изучения. Чем более интенсивными становятся попытки его научного ос-

мысления, тем сильнее повышается градус дискуссионности и тем сложнее оказывается разобраться в нюансах авторских позиций. Не претендуя на окончательное разрешение указанной дилеммы, мы все же предложим собственное видение данной проблематики.

Итак, мы полагаем, что, прежде всего необходимо выделить основания и смысловой контекст употребления тех или иных категорий, связанных с наиндивидуальной памятью.

СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ, КОЛЛЕКТИВНОЙ, КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

В строгом смысле слова существует только индивидуальная память как высшая психическая способность человека накапливать и актуализировать информацию (мы принципиально не согласны с позицией Э. Дюркгейма и его ученика М. Хальбвакса). Коллективы такой способностью не обладают и обладать не могут, поэтому следует признать, что понятие «коллективная память» формально представляет собой скорее метафору, чем строго научное понятие. Однако эта констатация не снимает вопроса об ее сущности, которая, по нашему мнению, проистекает из структуры и специфики индивидуальной памяти.

Память отдельно взятого человека устроена чрезвычайно сложно: она включает в себя различные типы и подтипы, выделяемые исходя из различных оснований — содержание, время, организация запоминания и др. Именно последний критерий в контексте наших рассуждений представляет наибольший интерес. С точки зрения организации воспоминаний выделяется процедурная (на действия) и декларативная (на названия) память (впервые ее описал Э. Тульвинг в 1972 г.) [23, с. 166]. Процедурная — связана со способностью тела воспроизводить в нужной последовательности определенные физико-моторные акты. Декларативная же память имеет не физиологическую, а социальную природу, так как ее содержание (что запоминать) и организация (как запоминать) диктуются внешними (социальными) по отношению к организму человека условиями.

Декларативная память также представляется весьма сложно структурированной. В ее рамках выделяют эпизодическую память (она связана с частными событиями жизни человека), семантическую (она связана с событиями, явлениями, процессами, феноменами, выходящими за пределы отдельной биографии) и автобиографическую (она связана с событиями жизни человека, осмысленными в контексте бытия отдельных групп или социума в целом).

В контексте данного исследования нас будет интересовать, прежде всего, семантическая память — память, связанная с накоплением, хранением и трансляцией обобщенной информации о мире в целом. Именно семантическая память оперирует социокультурным опытом группы, имеет социально детерминированную природу [24, с. 93]. Знания, «хранящиеся» в ней, воспринимаются человеком значительно более нейтрально, обобщенно, даже символически в сравнении с контентом эпизодической памяти. Другой ее особенностью можно назвать независимость от временной последовательности запечатления (если эпизодическая память выстраивается в относительно четкой хронологии событий, то информация семантической памяти существует как бы в безвременном пространстве). Кроме того, семантическая память в меньшей степени подвержена «выпаданию» каких-либо фрагментов информации из «архива». Она, в отличие от эпизодической памяти, которая в своем функционировании крайне сильно обусловлена семантическими структурами памяти, может существовать автономно [24, с. 96].

Таким образом, можно констатировать, что память человека имеет как социально независимые, исключительно физиологически обусловленные, так и социально детерминированные структуры (именно они интересуют исследователей памяти как феномена культуры), так называемую социальную, или декларативную, память. Она, в свою очередь, делится на эпизодическую (индивидуальную) и семантическую память. Система семантической памяти членов группы образует коллективную память, о которой писали М. Хальбвакс, Я. Ассман, П. Нора, П. Хаттон и др. Именно семантическая память связывает отдельного человека с коллективом, социумом в целом, именно через нее происходит трансляция значимых для группы смыслов и моделей поведения и именно она, в конечном итоге, обеспечивает идентификацию личности с группой. Очень важно, что коллективная память не является результатом механического суммирования индивидуальных воспоминаний. Она соотносится с ними как коллективное бессознательное с индивидуальным, или как макрокосм с микрокосмом. Она есть некая сумма, которая всегда масштабнее образующих ее слагаемых.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФОРМА ТРАНСЛЯЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Трансляция коллективной памяти может осуществляться двумя способами, которые определяют два типа коллективной памяти. Пер-

вый из них, который указанными исследователями именовался по-разному (внутренним, естественным, истинным и пр.), мы назвали индуктивным. Он связан с механизмами традиционной коммуникации, осуществляемой, как правило, в рамках малых социальных групп от поколения к поколению. Он носит иррациональный, нерелективный характер и связан с ритуализованным воспроизведением социального опыта (навыков трудовой деятельности, взаимоотношения с природой, трансцендентными силами и пр.). В «чистом» виде такой способ бытия памяти встречается в архаичных обществах на стадии их дописьменного развития. Память, формируемую и передающуюся таким способом, можно, вслед за Я. Ассманом, назвать коммуникативной или, вслед за П. Нора, — социальной.

Второй способ формирования и трансляции памяти можно назвать дедуктивным, поскольку он связан с внешними по отношению к группе усилиями по работе с памятью, с существованием отдельных экспертов или экспертных институций, определяющих «политику памяти». В данном случае в структуру памяти включаются более крупные, мифо-символические системы, содержащие представления о прошлом группы, ее уникальности, о героических и травмирующих событиях группового бытия и пр. Такую память можно назвать культурной.

При этом оба типа памяти и способы их трансляции теснейшим образом взаимосвязаны: определяемые извне инструменты работы с памятью группы опираются на «живую память поколений», на традицию как механизм передачи социального опыта. Традиция же неизбежно впитывает результаты внешних усилий, адаптируется к новым векторам коммеморативной политики.

Вопрос о статусе культурной памяти является продолжением дискуссии о статусе памяти коллективной. Мы уже отмечали, что коллективы не могут помнить, следовательно, коллективная память — это, скорее, некая абстракция, чем реальность. Однако как феномен она существует. Дело в том, что в случае использования категории «память» по отношению к группе, либо просто отдается дань риторической традиции, либо сказывается отсутствие более адекватного для обозначения этого явления понятия.

Аналогичным образом можно описать ситуацию и вокруг культурной памяти. Будучи метафоричной с точки зрения обозначения, она является реальной с точки зрения бытия. Она формируется в ходе совместной коммуникации коллектива по поводу прошлого, транслируется через различные индивидуальные, универсальные (общепонятные для группы) знаковые системы (язык, символы, мифы, праздники, ритуалы и др.) и проявляется в четырех взаимосвязанных основных формах:

- ◆ информационной (представления о прошлом);
- ◆ деятельностной (актуальные значимые или наиболее востребованные модели поведения, «проверенные» прошлым);
- ◆ ценностной (сакрализация, профанизация и десакрализация прошлого в целом и конкретно событийного его наполнения);
- ◆ эмоциональной (совокупность универсальных эмоциональных реакций на события и явления прошлого, экстраполируемых и на иные модули времени).

Таким образом, можно дать определение культурной памяти — это относительно устойчивая система значимых для группы представлений о прошлом, транслируемых в обобщенно-символических и универсально доступных формах, порождающая определенные ценностные ориентации и поведенческие модели членов группы, проявляющаяся в ритуально-праздничных и коммеморативных практиках и имеющая искусственно формируемый характер, интегративные свойства и идентификационный потенциал.

Завершить нашу статью хотелось бы цитатой П. Нора: «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. <...> Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [4, с. 20].

Список источников

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время : литературно-критический сборник / сост. Н.П. Утехин. Ленинград : Лениздат, 1984. С. 68–74.
3. Мегилл А. Историческая эпистемология : научная монография. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
4. Нора П. Франция-память. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 333 с.
5. Шурек Ж.-Ш. Память и тоталитаризм: французские дебаты [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2002. № 2(22). С. 51–57. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/shurek.html> (дата обращения: 20.10.2016).
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческая память: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. Москва : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 170–221.
7. Артог Ф. Время и история: «Как писать историю Франции?» // «Анналы» на рубеже веков: Антология / сост. А.Я. Гуревич, С.И. Лучицкая ; пер. с фр. Москва : XXI век — согласие, 2002. 312 с.
8. Калинин И.А. Перестройка памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/ka17-pr.html> (дата обращения: 16.10.2016).
9. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 131–141.
10. Васильев А.Г. Теория социальной памяти Аби Варбурга // Философия и теория искусства. Эстетика. Критика искусствознания. 2009. № 1–2. С. 24–37.
11. Рикёр П. Память, история, забвение. Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с. (Французская философия XX века).
12. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. Москва : Канон+, 1998. С. 174–231.
13. Гири П. Память // Словарь средневековой культуры. Москва : Версия-А, 2003. С. 342–348.
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва : Новое издательство, 2007. 348 с.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва : Вектор, 2008. 422 с.
16. Ассман А. Трансформации нового режима времени [Электронный ресурс] / пер. с англ. Вл. Кучерявкина ; под ред. А. Скидана // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 16–31. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html> (дата обращения: 18.10.2016).
17. Ле Гофф Ж. История и память. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.
18. Шкуратов В.А. Историческая психология. Москва : Мысль, 2002. 342 с.
19. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн : Велес, 1992. С. 200–202.
20. Хаттон П. История как искусство памяти. Санкт-Петербург : Издательство «Владимир Даль», 2004. 362 с.
21. Руткевич А.М. Психоанализ, история, травмированная «память» // Феномен прошлого. Москва : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 242–261.
22. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 1995. Т. 1, № 1. URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/psix_lich/ch10_1.html (дата обращения: 18.10.2016).
23. Шульговский В.В. Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии. Москва : Академия, 2008. 528 с.
24. Нуркова В.В. Общая психология. Память. Т. 3. Москва : Академия, 2006. 320 с.

SOCIAL, COLLECTIVE, AND CULTURAL MEMORY: A NEW APPROACH TO THE DEFINITION OF THE SEMANTIC BORDERS OF CONCEPTS

MARIA L. SHUB

Chelyabinsk State Institute of Culture,
36A, Ordzhonikidze St., Chelyabinsk, 454091, Russia
E-mail: shubka_83@mail.ru

Abstract. *This article is devoted to the analysis of the phenomenon of memory, considered through its over-individual, social dimension. The main reasons for this issue to become actual in the last decades are connected with the identity crisis, crisis of information, crisis of tradition, and crisis of the memory itself. All the variety of the author's concepts of memory can be divided into four approaches, within the frameworks of which, the memory is considered either as an archive of the information significant for a group, or as an activity for inter-generational broadcasting of this information, or as a unity of both, or as a certain fictitious, nonexistent in reality, symbolic construction. This variety of research interpretations of the phenomenon of memory comes, among other things, from the lack of a clear basis for identification of any type of memory. The article proposes a solution of this problem through justification of the semantic borders lying between the social, collective, and cultural memory.*

Key words: culture, memory, social memory, collective memory, cultural memory, memory studies.

Citation: Shub M.L. Social, Collective, and Cultural Memory: a New Approach to the Definition of the Semantic Borders of Concepts, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 4–11.

References

1. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004, 368 p. (in Russ.).
2. Likhachev D.S. *Iskusstvo pamyati i pamyat' iskusstva [The Art of Memory and the Memory of Art], Kritika i vremya: literaturno-kriticheskii sbornik [Criticism and Time: the Literary Criticism Collection]*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984, pp. 68–74.
3. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya: nauchnaya monografiya [Historical Epistemology: the Scientific Monograph]*. Moscow, "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2007, 480 p.
4. Nora P. *Frantsiya-pamyat' [France-Memory]*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskogo Universiteta Publ., 1999, 333 p.
5. Szurek J.-Ch. *Pamyat' i totalitarizm: frantsuzskie debaty [Memory and Totalitarianism: the French Debate], Neprikosnovennyi zapas [Debates on Politics and Culture]*, 2002, no. 2(22), pp. 51–57. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/shurek.html> (accessed 20.10.2016).
6. Savelyeva I.M., Poletaev A.V. *Istoricheskaya pamyat': k voprosu o granitsakh ponyatiya [Historical Memory: to the Question of the Borders of a Concept], Fenomen proshlogo [The Phenomenon of the Past]*. Moscow, GU VShE Publ., 2005, pp. 170–221.
7. Hartog F. *Vremya i istoriya: "Kak pisat' istoriyu Frantsii?" [Time and History: "How to Write the History of France?"]*, "Annaly" na rubezhe vekov: Antologiya ["Annals" at the Turn of the Century: the Anthology]. Moscow, XXI Vek – Soglasie Publ., 2002, 312 p.
8. Kalinin I.A. *Perestroika pamyati [Restructuring Memory], Neprikosnovennyi zapas [Debates on Politics and Culture]*, 2009, no. 2(64). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/ka17-pr.html> (accessed 16.10.2016).
9. Schütz A. *Struktura povsednevnogo myshleniya [Structure of the Everyday Thinking], Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 1988, no. 2, pp. 131–141.
10. Vasilyev A.G. *Teoriya sotsial'noi pamyati Abi Varburga [Aby Warburg's Theory of Social Memory], Filosofiya i teoriya iskusstva. Estetika. Kritika iskusstvoznaniya [Philosophy and Theory of Art. Aesthetics. Criticism of Art History]*, 2009, no. 1–2, pp. 24–37.
11. Ricœur P. *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Moscow, Gumanitarnoi Literaturny Publ., 2004, 728 p. (in Russ.).
12. Durkheim E. *Les formes élémentaires de la vie religieuse, Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya [Mysticism. Religion. Science. The Classics of World Religious Studies. The Anthology]*. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 174–231 (in Russ.).
13. Geary P. *Pamyat' [Memory], Slovar' srednevekovoi kul'tury [The Dictionary of Medieval Culture]*. Moscow, Versiya-A Publ., 2003, pp. 342–348.
14. Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la mémoire*. Moscow, Novoe Izdatel'stvo Publ., 2007, 348 p. (in Russ.).
15. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Moscow, Vektor Publ., 2008, 422 p. (in Russ.).
16. Assmann A. *Transformatsii novogo rezhima vremeni [Transformations of the Modern Time Regime], Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2012, no. 116, pp. 16–31. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html> (accessed 18.10.2016).
17. Le Goff J. *History and Memory*. Moscow, Rossiiskaya Politicheskaya Entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2013, 303 p. (in Russ.).
18. Shkuratov V.A. *Istoricheskaya psikhologiya [Historical Psychology]*. Moscow, Mysl' Publ., 2002, 342 p.
19. Lotman Yu.M. *Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in the Cultural Lighting], Izbrannye stat'i*.

- T. 1 [Selected Articles. Vol. 1]. Tallinn, Veles Publ., 1992, pp. 200–202.
20. Hutton P. *History as an Art of Memory*. St. Petersburg, “Vladimir Dal’” Publ., 2004, 362 p.
21. Rutkevich A.M. Psikhoanaliz, istoriya, travmirovannaya “pamyat’” [Psychoanalysis, History, Traumatized “Memory”], *Fenomen proshlogo* [The Phenomenon of the Past]. Moscow, GU VShE Publ., 2005, pp. 242–261.
22. Moscovici S. Sotsial’noe predstavlenie: istoricheskii vzglyad [Social Representations: the Historical View], *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1995, vol. 1, no. 1. Available at: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/psix_lich/ch10_1.html (accessed 18.10.2016).
23. Shulgovsky V.V. *Fiziologiya vysshei nervnoi deyatel’nosti s osnovami neirobiologii* [Physiology of the Higher Nervous Activity with the Basics of Neurobiology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 528 p.
24. Nurkova V.V. *Obshchaya psikhologiya. Pamyat’. T. 3* [General Psychology. Memory. Vol. 3]. Moscow, Akademiya Publ., 2006, 320 p.

НОВИНКА

Мир культуры народов Севера: арктический вектор [Текст] / под общ. ред. О.Н. Астафьевой. Москва : ООО «ИПП «КУНА», 2016. 416 с.

Ключевыми темами монографического сборника статей являются фундаментальные вопросы образа жизни и деятельности северян, их отношение к традициям и новым социальным и культурным практикам, оценка возможностей удовлетворения потребностей всех жителей этого сурового края.

Русский Север и Заполярье, Ямал, Югра, Чукотка, Якутия, Коми, земли Кольского полуострова, северные территории Красноярского края, Архангельской, Иркутской, Мурманской, Томской областей — далеко не полный перечень мест, о которых идет речь в книге.

Помимо авторов статей — ученых и экспертов Института государственной службы и управления (ИГСУ) РАНХиГС — профессоров В.И. Смороchkовой, О.Н. Астафьевой, О.В. Шлыковой, доцента И.Г. Беляковой, в проекте участвовали представители около 20 научно-исследовательских и научно-образовательных учреждений России, изучающие северную проблематику в рамках этнологии, антропологии, истории (Д.А. Функ, И.Л. Набок, А.В. Жуков, Д.А. Опарин, Н.А. Кочеляева, Г.Я. Лаптева, Н.Ф. Галеева); культурологии, философии, искусствоведения (И.В. Кондаков, К.Э. Разлогов, Т.М. Гудима, В.А. Сулимов, И.Е. Фадеева); социологии, политологии и экономики (Т.П. Скуфьина, Л.Е. Востряков, А.Н. Соловьева), а также — руководители сферы культуры и образования (Н.М. Казначеева, Е.Н. Мироненко, С.С. Игнатьева); специалисты-практики из центров, музеев, домов народного творчества, библиотек страны (У.А. Винокурова, С.В. Максимова, Н.М. Лобакова, Л.Г. Комаровская, Е.Е. Исламуратова, И.Г. Краморева, Т.В. Копцева, В.С. Банк), реализующие государственную стратегию территориального развития субъектов Российской Федерации, в том числе — развития региональной социально-культурной сферы Севера. Только такой профессиональный авторский коллектив смог решить сложнейшие задачи междисциплинарного по своей направленности издания. Книга содержит богатый информационный материал, что делает ее интересной и для специалистов, и для широкого круга читателей. В качестве учебного пособия издание полезно нашим студентам отделения бакалавриата «Регионоведение России», магистратуры профиля «Государственное и муниципальное управление» и самых разных направлений и специализаций — «Управление в сфере культуры, образования и науки», «Национальные и федеративные отношения», «Управление развитием российского Севера» и др.

Авторы приглашают читателей погрузиться в мир культуры народов Севера, который представлен в книге в его многогранности и сложности внутренних процессов социального развития и внешних геополитических и экономических контекстов, детерминирующих его нынешнее состояние. Книга издана при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012 — 2018 гг.)»